

ральные профессора по обе стороны океана, пытающиеся интегрировать Ницше в западный академический истеблишмент. Очевидно, на уровне инстинкта они чувствуют угрозу, подспудно исходящую от ницшеанства» [3, 683]. И поскольку так исторически сложилось, что Ницше признали как великого мыслителя современности и книги его расходятся миллионными тиражами, то либералам остаётся с этим лишь смириться и публично утверждать его только как филолога и исследователя отвлечённого мира. И есть все основания подозревать, что при появлении сегодня философских и идеологических трудов, тождественных ницшеанским, они будут признаны общественностью «враждебными традициям толерантности» и прочим общечеловеческим ценностям. Сама же современная либерально-демократическая идеология не усматривает в Ницше идеолога и высказывается относительно его идей в весьма сдержанной форме.

Завершая статью, будет правильно сделать вывод, что система адаптации ницшеанства идеологическими концепциями выработала общую модель. В зависимости от задач, которые преследует идеология, отдельные структурные элементы ницшеанства, в отношении которых она хотела бы высказаться, гипертрофируются, а остальные игнорируются. В результате такого осмысления

каждая из идеологий получает своё собственное ницшеанство, свой собственный миф о нем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Манн Т. Философия Ницше в свете нашего опыта// Манн Т. Собр. соч. в 10 т., т. 10. М., 1961.
2. Одуев С.Ф. Тропами Заратустры. М., 1976.
3. Орбел Н. Ессе Liber// Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005.
4. Сюриа М. Жорж Батай, или работа смерти// Иностранная литература, 2000, №4.
5. Троцкий Л. Кое-что о философии «сверхчеловека» // Ницше: pro et contra. СПб., 2001.
6. <http://www.nietzsche.ru/read-273.php>.
7. <http://www.nb-info.ru/revolt/nietzsche1.htm>.

D. Kirilchenko

ADAPTATION NIETZSCHEANISM BY IDEOLOGICAL CONCEPTS (SECOND HALF XIX–XX OF CENTURY)

Abstract: The article analyses attitudes of socialists, nationalists and liberals towards Nietzscheanism as a socio-philosophic phenomenon. The author comes to the conclusion that the method of attitude's assuming with Nietzsche's ideas has common features. Every ideology creates its own myth about Nietzscheanism.

Key words: liberalism, socialism, nationalism, Nietzscheanism, Fr. Nietzsche.

УДК 32

Нуралин М.В.

ЗАВОЕВАТЕЛИ ЦЕННОСТЕЙ*

Аннотация: На примере военных сословий разных народов исследуются причины традиционной взаимосвязи элиты общества и военной службы. Изучая корни аристократизма, автор приходит к выводу, что природой заложены типы людей с диаметрально противоположным мировоззрением.

Ключевые слова: аристократия, кодекс чести, воинское сословие, благородство, ценностное мировоззрение.

Военные сословия не представляют собой исключительного явления в социальной истории народов мира. Сословия и касты профессиональных воинов существовали во многих государствах Европы и Азии. Примером могут служить рыцари в Европе, самураи в Японии, сипархи в Османской империи, хускарлы в Скандинавии и т.д. Военная

служба считалась почетной и уважаемой. К примеру, молодые дворяне России – будущая элита страны – обязана была нести военную службу, то же самое относилось и к выходцам из высших сословий в других странах. Чтобы понять, почему элита общества и военная служба традиционно взаимосвязаны, следует рассмотреть корни аристократизма.

Присущую определенной категории людей смелость, доблесть и отвагу возможно было реализовать лишь в войнах. Концентрация таких людей приводила к появлению военных сословий. Русский философ Николай Бердяев писал, что настоящая аристократия образовалась не путем накопления богатств и власти и не путем функций, исполненных для государства, а путем меча [1, 140]. Ему вторил Ницше: «Конечно, не следует поддаваться гуманитарным обманам насчет истории возникновения аристократического общества (т.е. предусловия этого возвышения типа "человек"):

* © Нуралин М.В.

истина сурова. Не будем же щадить себя и скажем прямо, как начиналась до сих пор всякая высшая культура на земле! Люди, еще естественные по натуре, варвары в самом ужасном смысле слова, хищные люди, обладающие еще не надломленной силой воли и жаждой власти, бросались на более слабые, более благодетельные, более миролюбивые расы, быть может занимавшиеся торговлей или скотоводством, или на старые, одряхлевшие культуры, в которых блестящим фейерверком остроумия и порчи сгорали остатки силы. Каста знатных была вначале всегда кастой варваров: превосходство ее заключалось прежде всего не в физической силе, а в душевной, - это были более цельные люди» [4, 233]. В верности слов философов можно убедиться, взглянув на историю разных народов.

Однако в рамках статьи мы ограничимся воинскими сословиями Европы и Японии, сравним европейского рыцаря и японского самурая. Как любое военное сословие, рыцари и самураи образовались путем меча. Рыцарство начало формироваться в период междоусобных войн в Западной и Центральной Европе с VIII века. Марксистские исследователи связывают возникновение рыцарства в Европе со становлением системы феодального землевладения. Однако стоит заметить, что возникновение сословия воинов во многом и предопределило развитие феодализма. Воин получал землю за свою доблесть и верную службу во временное (а позже постоянное) владение, ее жалователем становился сеньором, а получатель - вассалом последнего.

Схожие процессы происходили в Японии. Постоянные войны с аборигенами японских островов - айнами - вели к проникновению японцев из южных и центральных областей Хонсю на северо-восток страны, сопровождавшемуся захватом айнских земель. Эта экспансия делала возможным распределение территории айнов между японскими даймё, которые становились хозяевами айнской земли. Возникали сильные и постоянные дружины для защиты владений от вторжения в них айнов и войск других княжеств, а также для подавления крестьянских восстаний. Дружинники превращались постепенно из "дворовых самураев" в самураев нового типа - вооружённых слуг, получавших от своего хозяина за верную службу содержание - жилище и пищу, а иногда и участки земли с приписанными к ней крестьянскими дворами. С XII века самурайство, под которым в широком смысле слова стали впоследствии подразумеваться светские феодалы, начиная от крупных влиятельных князей (даймё), включая и самого сёгуна, и кончая мелкими дворянами, окончательно завоевало политическую власть, став господствующей силой страны.

Словом, феодальное рыцарство как Европы, так и Японии складывалось и юридически оформлялось как наследственное и привилегированное сословие внутри господствующего класса, являясь его составной частью. Таким образом, военные сословия состояли из наиболее доблестных, смелых и преданных людей, которым доверял господин. Они и становятся отправной точкой наследственной аристократии.

Региональные особенности и историческое время, безусловно, накладывали свой отпечаток, к примеру, рыцари в Европе составляли не более 1-2 процента от общего количества населения, в то время как в Японии количество самураев доходило и до десяти процентов. Однако удивительно насколько схожи их ценности, принявшие такие формы как рыцарский Кодекс чести, учение Бусидо, конфуцианское учение и т.д. Примечательно, что эти ценности разделялись исключительно внутри немногочисленного сословия и не распространялись на людей вне его круга.

Главной целью жизни аристократа было служение своему господину. В обязанности европейского рыцаря входила защита владений сеньора, выкуп его из плена, участие в его совете, суде и т. д. [5, 36]. В Японии слово "самурай" (сабурай) имеет в японском словаре древнего языка следующее толкование: "служить великому человеку, человеку высшего сословия". Быть щитом и мечом господина - в этом самураи видели свой долг и единственную возможность следования своему Пути. Принцип верности выражался в беззаветном служении сюзерену и опирался на положения о верности, почёрпнутые из синто, буддийское убеждение в бренности всего земного, которое усиливало у самурая дух самопожертвования и не боязни смерти, и философию конфуцианства, сделавшую лояльность (верность вассала феодалу) первой добродетелью [2, 41].

Воины были верны долгу и преданны своим идеалам. На войне верность как рыцаря, так и самурая проявляется в том, чтобы без страха идти на вражеские стрелы и копья, жертвуя жизнью, если того требует долг. Верность, справедливость и мужество суть три природные добродетели воинов. Рядом с верностью стоял принцип долга, превративший естественную настойчивость и упорство воинов в возвышенное начало морального порядка. В соответствии с догмами конфуцианства долг - это смысл и закон явлений и жизни, прямота души и поступков, или справедливость. Из понятия справедливость выводилось понятие "благородство", которое считалось "высшей чуткостью справедливости". Благородство, - сказал один самурай, - это способность души принять определённое решение согласно с совестью, без колебания: умереть, если это нужно, убить - когда

это потребуется. Другой самурай заметил, что без понятия о благородстве ни талант, ни наука не могут выработать характера самурая.

Моральные принципы являлись строго словесными. В Европе в эпоху средневековья «Кодекс чести» в отношениях между рыцарями часто нарушался, уступая место жестокости и коварству. Стоит ли говорить о «грязных простолюдинах»-крестьянах и горожанах, на которых он вообще не распространялся. Мораль самураев (Бусидо) также служила только сословию данного класса, оправдывала все его действия и отстаивала его интересы. Она была действительна только в среде военно-служилого дворянства и не распространялась на отношения с низшими слоями, находившимися вне законов самурайской морали. Анализ отношений между самураями и низшими социальными слоями феодальной общности Японии показывает, что моральные принципы Бусидо были не равнозначными для господствующего класса и простонародья. Если скромность предписывала самураю вести себя с господином подчёркнуто вежливо и скромно, быть терпеливым, то в отношениях с простолудином буси, наоборот, держался надменно и заносчиво. Здесь ни о какой вежливости не могло быть и речи. Самообладание, предписывавшее воину необходимость в совершенстве владеть собой, также было неприемлемо в отношении самурая к простонародью. Воин несколько не старался себя сдерживать, если имел дело с крестьянином или горожанином. Любое оскорбление чести и достоинства самурая (даже если ему это только показалось) или неуважительное отношение к официальному положению воина позволяло немедленно пустить в ход оружие, несмотря на то что Бусидо учило прибегать к мечу только в случае крайней необходимости и всё время помнить о чувстве ответственности за оружие. Тем не менее случаи беспорядочного употребления в дело меча очень часто приводили в феодальные времена к многочисленным убийствам мирного населения самураями.

Честь и сознание собственного достоинства воспитывались с раннего возраста. Воины строго охраняли своё «доброе имя» - чувство стыда было самым тяжёлым, ведь знатность рода и деяния предков оставалась в веках. Честь и слава ценились дороже жизни, поэтому, когда на карту ставилось одно из этих понятий, самурай или рыцарь отдавали за него свою жизнь. Нередко из-за одного слова, задевающего честь, в ход пускалось оружие; такие схватки заканчивались, как правило, смертью или ранением. В бусидо есть наставление, согласно которому если на войне самураю случится проиграть бой, и он должен будет сложить голову, ему следует гордо назвать своё имя и умереть с улыбкой без унижительной поспешности.

Храбрость и мужество обозначались на родовых гербах рыцарей красным цветом или в виде льва и считались наряду с верностью и чувством долга наиболее важными требованиями «Кодекса чести». То же самое касается и самурая: мужество рода, впитавшееся в плоть и кровь, не покидало его в самых трудных ситуациях. Оно было плодом физической закалки, психической уравновешенности и спокойного презрения к смерти. Мужество, как некое благороднейшее свойство человеческой природы вообще, по конфуцианской формулировке, включает в себя также понятия «храбрость», «отвага», «смелость». Чётко и довольно вразумительно требования Бусидо сформулированы в «Книге самурая. Бусидо» Дайдодзи Юдзана: «Истинная храбрость заключается в том, чтобы жить, когда правомерно жить, и умереть, когда правомерно умереть. К смерти следует идти с ясным сознанием того, что надлежит делать самураю и что унижает его достоинство» [2, 57].

Вследствие подчинённого положения и невозможности поднимать голову перед своим господином вырабатывался принцип скромности. К скромности было близко также понятие «вежливость», подразумевавшее терпение, отсутствие зависти и зла. В лучшей своей форме вежливость приближалась, по конфуцианским понятиям, к любви. Развитию принципа вежливости способствовали постоянные упражнения в правильности манер, которые должны были привести все члены организма в гармонию, при которой поведение будет показывать господство духа над плотью.

Признаком благородства и воспитанности, как у самураев, так и рыцарей были мера, простота и воздержанность. Следовало взвешивать каждое слово, быть умеренным в еде и избегать распущенности. Самоконтроль и самообладание были возведены в ранг добродетели и считались ценными качествами характера. Умение владеть собой и управлять своими чувствами было доведено до совершенства у самураев. Яркой иллюстрацией способности к самоконтролю самураев является обряд хакири. Самоубийство считалось среди самураев высшим подвигом и высшим проявлением личного героизма.

На примере воинских сословий Европы и Японии видно, что сословия воинов могут иметь схожие ценности вне зависимости от культурного окружения и географического местоположения. Поэтому возникает закономерный вопрос, в чем причина более высокой духовной организации подобного типа людей? Исследователь О.П. Зубец делает предположение, что причина кроется во внешних условиях, к примеру, ограниченность пространства средневекового замка является основой чувства формы, благодаря чему можно говорить о чувственности и рассудке, дисциплине

и мере, что воплощается в стиле, ритуале, нравах, речи, жестах, ритмах жизни. Но поскольку мы уже выяснили, что сословия воинов имеют схожие ценности вне зависимости от культурного окружения (например, самураи жили не в замках), то следует искать другой ответ. Вероятнее всего следует рассматривать не внешние, а внутренние условия. А именно изначальную сущность подобного типа людей, их сознание и мировоззрение.

Истоки аристократического сознания обнаруживаются еще в гомеровском героическом обществе. Герой античности лишен способности судить со стороны, для него нет внешней точки зрения, которая принадлежала бы ему самому, а не врагу или чужаку. Его идентичность себе самому выражается в предельной конкретности всякой ответственности, которую он несет перед своей семьей или родом. Его существование обретает ценностную напряженность перед лицом судьбы и смерти, и в этом он сопряжен богам, а не другим людям. Свое развитие эта особенность ценностного сознания получила в античном аристократизме: в лице величавого и по праву гордого, также независимого от внешней оценки и почестей [3, 154].

В античности формулируется антипод аристократизма, получивший наименование мещанства. Их противостояние обнаруживается как результат некоего размежевания ценностей, их прямого противопоставления друг другу. Эзоп писал по этому поводу, что аристократическое бытие есть бытие всем, мещанское - быть ничем, т.к. ничто наименее ранимо и страдательно. Человек с аристократическими ценностями пренебрежительно относился к трудовой деятельности, презирал личную выгоду и деньги. Как пишет, О.П. Зубец, товарный рынок собирает на публичной площади не личности, а производителей, и даже не кто, а что. По К.Марксу, рынок исключает из публичной сферы все личное и оттесняет собственно человеческое в приватную сферу семьи, дружбы или любви. В средневековье человек не мог быть посвящен в рыцари, если кто-то из его предков занимался торговлей.

Для людей войны, завоевателей ценности и правила торговли были неприемлемы не только духовно: эта неприемлемость была институализирована [3, 155]. Еще в XIX веке в Польше аристократ, согрешивший торговлей, лишался своих привилегий. То же наблюдалось и на Востоке, например в Японии. Самурая уже в детстве учили презрению к торговцам и деньгам, что должно было сделать его совесть "неподкупной" в течение всей жизни. Самурай, который не разбирался в покупной способности монет, считался хорошо воспитанным. Исследователи ценностно-нормативных систем даже выделяют две основные

группы ценностей - стражников и торгующих - по их явной противопоставленности друг другу не только в истории, но и в современном обществе, даже внутри индустриально-городской культуры. В аристократизме отвержение торговли имеет явно выраженный моральный характер: важно личное неучастие в торговых отношениях, т.к. это перерождает моральный облик и совершенно несовместимо с фундаментальными аристократическими ценностями [3, 158].

По этой же причине аристократизм отвергает профессиональную работу, - она ограничивает свободу и ведет к торговым отношениям. Аристократическое неприятие никакого профессионального созидания есть невозможность стать рабом собственного творения и самого себя, стремление остаться свободным. Известно, что еще в античности профессиональный труд вызывал презрение, и Аристотель стыдился, что был сыном врача.

Еще одной особенностью аристократического мышления является оживление реального мира идеями, о том, что Ницше называет ценностным творчеством, в превращении природы в историю. Умение абстрагироваться от мирской суеты, от прозы жизни, от жестокостей военного времени высоко ценилось в самурайской среде. Способность видеть "вечность в чашечке цветка" с ранних лет заботливо пестовалась в юношах и девушках родителями, учителями, всем их окружением. В подражание китайским классикам такой образ жизни, при котором человек может даже на грани между жизнью и смертью наслаждаться красотами пейзажа, называли в Японии фурию, что означает "ветер и поток". Подобное мировоззрение позволяло неизменно воспринимать жизнь как "ветер и поток" во всей её эфемерной полноте.

Наиболее совершенным воплощением философии "ветра и потока" стал широко распространённый среди самураев обычай слагать перед смертью "прощальное" стихотворение - чаще всего в жанре пейзажной лирики. Человек способен облагородить каждое мгновение жизни, осознав и прочувствовав первозданную красоту окружающего "бренного мира", красоту непостоянства. Аристократический ценностный мир обретает опору и в определенных знаковых действиях, какими являлись охота, турниры, пиры. Праздность - одна из центральных ценностей аристократизма, за которой скрывается, с одной стороны, преемственность с образом жизни предков, погружавшихся в полную праздность между походами и набегами, а с другой - неограниченные возможности свободного времени личностного развития. Возвеличивание труда - достаточно позднее изобретение человечества. И в античности, и в средневековье именно праздность воспринималась как

нормальная и благая жизнь.

Теперь возвратимся к прежнему вопросу, а именно в чем причина более высокой духовной организации подобного типа людей, почему их мировоззрение и ценности во многом схожи вне зависимости от исторического времени, территории проживания, культурных особенностей народов? Почему эти ценности прямо противоположны условно «мещанским» ценностям, ведь исследователи ценностно-нормативных систем выделяют две основные группы ценностей – «стражников» и «торгующих» - по их явной противопоставленности друг другу не только в истории, но и в современном обществе? Вероятно, ответ нужно искать на более глубоком уровне, а именно в *самой природе человека*. Можно сделать предположение, что природой изначально заложены типы людей с диаметрально противоположными ценностно-нормативными системами. Люди войны – завоеватели ценностей, правители и их окружение имели отличные от миролюбивых людей ценности. В этом кроется и ответ на вопрос почему элита общества и военная служба традиционно взаимосвязаны.

Если же природой заложены определенные типы людей с ценностным мировоззрением «стражников», то вероятно они должны существовать и в XXI веке. Однако их влияние практически отсутствует и сдерживается мнением большинства и законами. На данный момент в мире тотально превалирует ценности «торговцев» или “self-made man”, т.е. человека, создающего себя, но не в качестве себя, а в качестве успешной функции общества или ситуации, в которой он оказывается в силу рождения или жизненных катаклизмов. Это человек, который приспособливается и выживает, который совершает свое восхождение к социальному и материальному благополучию. Это человек риска, поклонник новизны, а не традиции, он открывает новые миры, не делая их своими. Не праздность, а трудолюбие и профессионализм, не щедрость, а бережливость, не подаренное или завоеванное, а заработанное, не дарение, а благотворительность, благодеяние, устремленность к богатству и т.д. - это ценностные откровения Ничто. По словам Ницше, ничто стремится стать чем-то, опредметиться в профессии или производстве, в стоимости или в моральной идее, обрести лицо через взгляд извне. Люди с подобными цен-

ностями стараются внушить о себе хорошее мнение, хотя сами о себе его не имеют.

Сложившаяся в мире диспропорция ценностей рано или поздно может дать трещину. Хантингтон, предвещающий борьбу цивилизаций имел в виду противостояние во многом религиозных ценностей христианства и мусульманства, Запада и Востока, по своей сути незначительно отличающихся друг от друга. Однако стоит предположить, что борьба вероятна и на более глубоком уровне, а именно на *уровне ценностей господства и подчинения* (в терминах Ницше – «рабов» и «господ») в рамках одного глобального общества. По этому поводу несколько упрощенно написал Ф. Фукуяма: «Они пойдут на борьбу от определенной скуки, потому что не могут себе представить жизни в мире без борьбы. И если львиная доля мира, в котором они живут, будет характеризоваться мирными, и процветающими либеральными демократиями, они будут бороться против мира и процветания - и против демократии» [6, 234]. Без преувеличения можно сказать, что решение этой проблемы жизненно важно для человечества, и первым шагом на пути к этому было бы обозначение ее контуров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Собрание сочинений. Т. 4. Париж, 1990.
2. Дайдодзи Ю. Книга Самурая. Бусидо. СПб., 2000.
3. Зубец О.П. Об аристократизме. // Этическая мысль. Вып. 2. М, 2001.
4. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Минск, 1997.
5. Тюлин Д. История рыцарства // Международный исторический журнал №18, 2002.
6. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. Москва, 2004.

M. Nuralin

CONQUERORS OF VALUES

Abstract: With specific references of military estates of different nations the article investigates the origin of traditional interrelation between social elite and military service. Analyzing the roots of aristocracy, the author comes to the conclusion that different types of people have diametrically different world views.

Key words: aristocracy, the honour code, military estate, nobleness, valuable outlook.